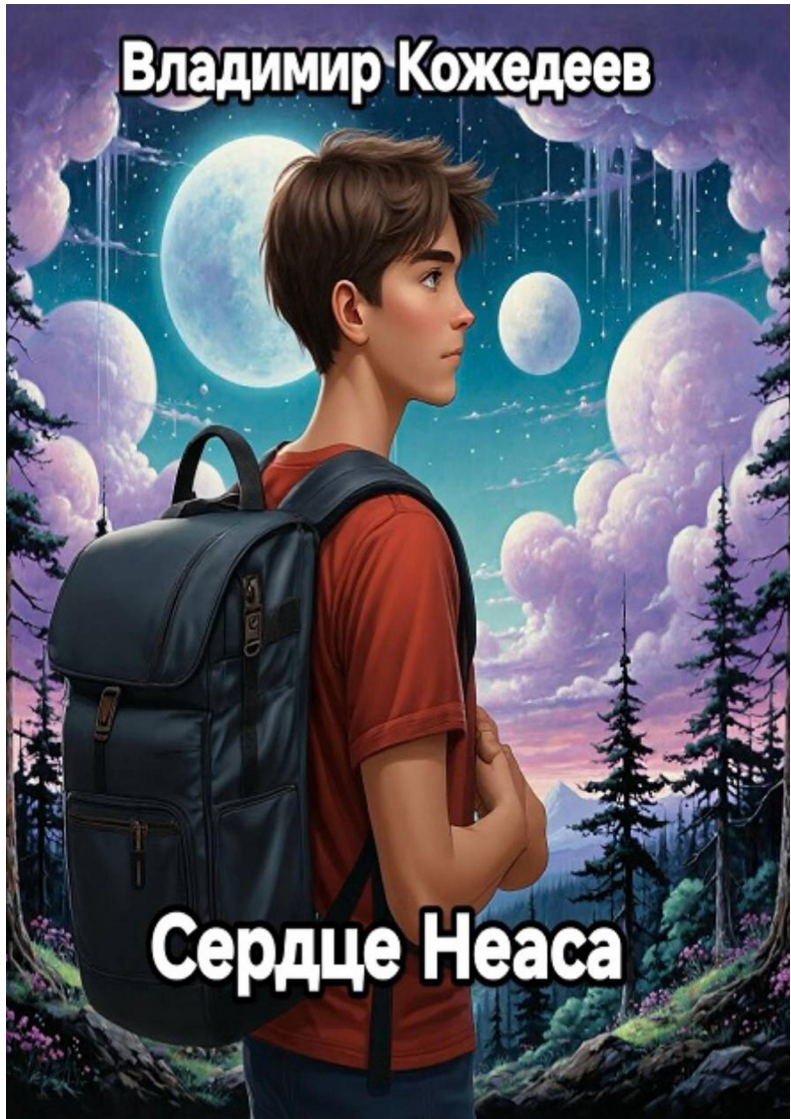

Владимир Кожедеев

Сердце Неаса

Владимир Кожедеев

Сердце Неаса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72993377

SelfPub; 2025

Аннотация

Бывший Неас, скиталец, несущий бремя вины древней цивилизации, находит свой последний шанс на искупление в мёртвой Долине, заражённой скверной. Используя древний артефакт – Сердце, вобравшее свет, скорбь и мечту, – он начинает медленное исцеление мира, выращивая новый «Рассвет». Но его действия привлекают внимание Хищника – существа из иной реальности, питающегося разрывами в мироздании. Чтобы защитить свой хрупкий Сад, Страннику придётся перестать быть просто целителем и стать воином, а затем сделать невозможный выбор между возвращением в родной мир и долгом перед миром, который он спас.

Содержание

Часть 1.	4
Часть 2.	25
Часть 3.	48
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Владимир Кожедеев

Сердце Неаса

Часть 1.

Глава 1.

В квартире пахнувшей свежесваренным кофе и новыми книгами, разворачивался нешуточный спор о судьбе новорожденного. Молодой отец, Денис, системный архитектор, скептически шурился:

– Виктор Петрович, Эон? Это же не имя, это философский термин! Его в садике засмеют.

Его тесть, Виктор Петрович, бывший инженер с руками, знавшими вес и правду каждого материала, неспешно поправлял очки:

– Не для мгновения удачи – Кайрос. А для долгого пути – Эон. Пусть его жизнь будет не вспышкой, а эпохой. Значительной.

Анна, мать ребенка, художественный редактор, уже была очарована. Для нее, живущей на стыке смыслов и образов, это звучало как поэзия и вызов одновременно. Она представляла, как это имя, словно семя, прорастет в сыне особым от-

ношением к миру.

В итоге нашли компромисс в мудрости Виктора Петровича: «Мир меняется. Неизвестно, в какое время ему жить. Пусть имя будет не от мира сего. Пусть оно дает ему внутренний стержень».

Так мальчика называли Эоном, но вмешался случай при за-полнении метрики и доверчивости отца дано имя Неас.

Неас балансировал между двумя мирами.

Первый мир – Москва. Здесь были его друзья: шумный Артём, с которым можно было тупить в онлайн-шутерах; язвительная Лера, обсуждавшая с ним аниме и смыслы; виртуальный соратник Даня, с которым они строили стратегии; и сосед Макс, открывавший ему слои истории города. Здесь был отец, учивший рациональности, и мать, учившая чувствовать и анализировать. Здесь было комфортно, привычно, но иногда... поверхностно.

Второй мир – дача деда. Старый дом в дальнем Подмос-ковье, куда Неас ехал каждое лето. Не из-за обязанности, а из-за тишины, которая была громче городского шума. И из-за деда Виктора.

Дед не воспитывал. Он просто жил, и Неас жил рядом, впитывая. Учился колоть дров не силой, а техникой. Слушал, как найти родник или сориентироваться по мху. Чинил сломанный мотоблок, паял провода, готовил уху на костре. Дед разговаривал с ним как равный, и в этом было главное уважение. Их сближали не слова, а дела: совместное спасе-

ние сарая в ночной ураган, победа над кротами с помощью странного метода из интернета, найденного Неасом, молчаливые партии в шахматы на веранде.

Неас чувствовал, как в этих простых действиях крепнет его внутренний стержень. Он учился не бояться проблем, а решать их. Дед давал ему не знания из учебников, а уверенность в своих руках и голове.

Тот день начинался как обычный. Раннее утро после двух недель на даче. Неасу нужно было вернуться в город – встреча с друзьями, планы. Он стоял на крыльце с рюкзаком, в котором лежали бутерброды, стальная армейская кружка и складной нож – практичные подарки от деда.

Дед Виктор вышел проводить. Молча, как обычно, поправил воротник на куртке внука, потом крепко сжал его плечо.

– Смотри под ноги. До автобуса иди не спеша, торопиться некуда.

Пауза. И затем, глядя ему прямо в глаза, тихо добавил:

– И... будь умницей.

В этих словах, сказанных необычно мягко, было что-то большее, чем простая напутственная формула. Это было закливание. Благословение. Предчувствие.

– До следующей пятницы, дед.

Глава 2.

Тропинка в лес была знакомой до каждого корня. Воздух

пах хвоей и тишиной. Неас шагал, думая о предстоящем дне в городе, о друзьях, о Лере.

А потом пришел туман.

Не утренняя дымка, а густая, молочно-белая стена, обрушившаяся с неба и из-под земли. Она заглушила звуки, скрыла тропу, растворила мир. Неас, ведомый лишь инстинктом, пошел вперед, но земля стала мягкой и чужой, а в белизне затанцевали сиреневые огоньки.

Он вышел из тумана в иной рассвет.

Над ним сияло небо цвета аквамарина. Плыли перламутровые облака. И в этом небе, разрывая все законы физики и здравого смысла, висели две луны. Одна – серебристая и холодная. Другая – медового оттенка, теплая. Их свет окрашивал гигантский, невероятный лес в изумрудные и фиолетовые тона. В воздухе парили светящиеся сферы, а с гигантских деревьев свисали лианы, медленно шевелящиеся сами по себе.

Неас замер. Рука непроизвольно сжала рукоять ножа в кармане. В ушах стоял звон от оглушительной тишины этого мира. Разум отказывался верить, но ощущения были слишком реальны: покалывание кожи от магической энергии в воздухе, новый запах – сладковатый и пряный, странная гравитация.

Он обернулся. Тропинки не было. Был только незнакомый лес, уходящий в бесконечность под двумя лунами.

Паника, холодная и тошнотворная, подкатила к горлу. Он

хотел крикнуть, но голос не слушался. И тогда в памяти, как спасательный круг, всплыло дедово лицо и его последние слова: «Будь умницей».

Неас сделал глубокий вдох, как учили в стрессовой ситуации. Потом еще один. Он посмотрел на свои руки. На прочный рюкзак за плечами. На нож.

Он был один в незнакомом, магическом мире. Но он был Неас. Сын рационального отца и чуткой матери. Внук мудрого Виктора Петровича. Друг, который умел и тупить с Артёмом, и вести глубокие беседы с Лерой, и строить стратегии с Даней.

Он был назван в честь целой эпохи.

И его эпоха – эпоха выживания, открытий и, возможно, великих свершений – только что началась. Прямо здесь, в этом фантастическом лесу, под светом двух лун.

Он сделал свой первый шаг в новую реальность.

Дед Виктор не был учителем в школьном смысле. Его метод – «делай вместе со мной» и «покажи на практике». Он никогда не заставлял, а предлагал: «Хочешь, покажу одну штуку?»

Неас ценил это, потому что чувствовал себя полезным и самостоятельным, а не «городским недотёпой».

Мастерская магия: Дед учил его работать с деревом – не просто забивать гвоздь, а чувствовать волокно, строгать рубанком, собирать табуретку без единого гвоздя, на шипах. Неасу нравился сам процесс: запах стружки, превращение

грубой доски в гладкую вещь своими руками.

Обращение с инструментом: Заточка топора и ножа до бритвенной остроты, правильной колки дров (не силой, а техникой), использование стамески и паяльника.

Для Неаса это был медитативный, почти ритуальный процесс.

«Мужская кухня»: Не просто пожарить сосиски, а приготовить уху на костре из только что пойманной рыбы, закоптить сало особым способом, сделать настоящий чай на травах, собранных собственноручно. Вкус такой еды был несравним ни с чем.

Это было как квест, игра, в которой дед был гидом.

Лес как супермаркет и аптека: Дед учил его не бояться леса, а читать его. Где и какие грибы искать, какие ягоды съедобны, а какие – нет. Как по мху и муравейникам сориентироваться, если заблудился. Как найти родник с чистой водой.

Для Неаса это была тайная познавательная, почти сверхспособность.

Физика в быту: Почему печь в бане топится именно так, а не иначе (закон тяги). Как рассчитать уклон для слива воды. Почему гвоздь в сыром дереве держится плохо. Дед объяснял законы мира не по учебнику, а на наглядных, жизненных примерах.

Чинить, а не выбрасывать: Починить протекающий кран, перебрать старый двигатель мотоблока, спаять оторванный

провод. Дед учил логике поиска поломки и уважению к вещам. Неас видел, как «мертвая» техника оживает в его руках, – это давало мощный заряд уверенности.

Интеллектуальные и тихие игры – это сближало их на другом уровне, без слов.

Шахматы на веранде: Вечерние партии под стрекот кузнециков. Дед не поддавался, а учил думать на три хода вперёд. Здесь Неас учился стратегии, терпению и достойному принятию поражения.

История как приключение: Дед не читал лекций. Он мог, глядя на старую карту, рассказать, как по этой самой реке ходили ладьи или как в соседнем поле было сражение. История становилась осязаемой, связанной с местом, где они сейчас пили чай.

Философия у костра: Именно дед, глядя на звёзды, мог задать простой, но гениальный вопрос: «А как ты думаешь, в чем разница между умным и мудрым?» или «Что важнее – знать ответ или уметь задавать вопрос?». Эти беседы заставляли Неас а думать по-взрослому, чувствовать себя собеседником, а не ребёнком.

Неасу было интересно с дедом.

Равенство и уважение. Дед разговаривал с ним как со взрослым, здравомыслящим человеком, а не с несмышлёнышем.

Видимый результат. В конце дня Неас видел сложенные дрова, вычиненную удочку, собранный своими руками скво-

речник. Это давало чувство выполненного дела.

Тайное знание. Эти умения делали его «круче» сверстников в его же глазах. Он прикасался к миру, который для большинства его друзей был закрыт.

Живая связь. Через эти дела и разговоры он лучше узнавал самого деда – его прошлое, его характер, его молчаливую мудрость.

Неасу 16. Он обычный московский подросток среднего роста. После 10 класса, перед 11-м, лето – его последний длинный и по-настоящему свободный отпуск. В Москве – жара, пыль, пробки и друзья, разъехавшиеся по лагерям и курортам.

Семейный долг и тишина. Дедушке, Виктору Петровичу, 78. Он живет на даче один с ранней весны до поздней осени. Он самостоятельный, но семья (особенно мама Неаса) тревожится. "Съезди, помоги по хозяйству, просто побудь с ним. Ему будет приятно, а ты отдохнешь от города", – сказали Неасу. Спорить было бесполезно.

Побег от рутины. Дача – это не гламурный коттедж, а старый добрый советский участок в дальнем Подмоскovie, в окружении леса. Там нет гигабитного интернета (только медленный мобильный), зато есть речка, костер, звезды, которых не видно в городе, и полная тишина по ночам.

Отношения с дедом. Дед Виктор – человек немногословный, но интересный. Бывший инженер, теперь – мастер на все руки: и печь сложить, и дерево обработать, и про исто-

рию какую-нибудь расскажет. С ним не всегда легко общаться (он не понимает тиктоков и стримов), но он никогда не читает нотаций и уважает личное пространство. С ним можно молча пить чай на веранде, и это будет комфортно.

Помогать по хозяйству (колоть дрова, носить воду из колонки), пытаться ловить рыбу на удочку деда, перечитывать потрёпанные фантастические романы с дедовской полки, скучать по быстрому интернету, а потом открывать для себя странное удовольствие в этом отрыве от мира. Он будет загорать, есть шашлык и ягоды с огорода, и, возможно, в этой самой тишине и оторванности начнут приходить мысли о будущем, о школе, о жизни... Или же, что более вероятно для сюжета попаданца, именно здесь, в дедовом сарае со странными старыми вещами или на заброшенной лесной тропе, с ним и произойдёт нечто необычное.

Он оторван от привычной среды (город, технологии, социум), погружён в атмосферу, близкую к природе и прошлому (деревенский быт, старые вещи, истории деда). Он в том возрасте, когда мысли пластичны, а сознание открыто для чуда. И самое главное – его имя, данное мудрым дедом, уже несёт в себе семя "эпохальности". Всё это делает его идеальным сосудом для истории о переходе в иной мир.

Глава 3.

Отец Неаса системный архитектор в крупной IT-компа-

нии. Человек логики, структуры и четких решений. На работе он строит цифровые вселенные, а дома ценит простой, предсказуемый уют. Любит качественные вещи, хороший кофе и документальные фильмы про космос. Характер: Спокойный, немного замкнутый, но надежный. Не говорит лишних слов, но его обещание – закон. В молодости увлекался рок-музыкой и даже играл в группе, но с рождением сына и карьерой это осталось в прошлом. С отцом (дедом Виктором) у них отношения уважительные, но прохладные: Денис считает его старомодным, но признает его мудрость в практических вопросах. Отношения с Неасом: Общается на темы технологий, помогает с математикой и физикой. Их лучшие моменты – совместный просмотр сериала в хорошем качестве или поездка на новой машине. Он учит сына рациональности.

Мать – Анна Викторовна (40 лет) художественный редактор в издательстве, специализирующемся на научно-популярной и интеллектуальной литературе. Она на стыке творчества и аналитики, окружена книгами, гранками и разговорами об идеях.

Эмоциональная, эрудированная, с тонким вкусом. Легко загорается новыми идеями. Именно от нее у Неаса любовь к хорошим фильмам и умение видеть глубину в, казалось бы, простых вещах. Она – главный мост между миром деда и миром города. Обожает отца (Виктора Петровича) и часто го-

ворит: «У папаши голова варит иначе, он мыслит категориями веков». Отношения с Неасом: Ближе всех к сыну эмоционально. Может говорить с ним часами о книгах, смыслах, выборе пути. Она учит его чувствовать и анализировать.

Друзья Неаса: московский круг

Неас не был душой компании, но и не изгой. Его круг общения сложился естественно, по интересам и по соседству. Условно друзей можно разделить на три группы.

«Школьная гильдия»: Артём и Лера

Одноклассники, с которыми он делил парты, домашку и общие проекты.

Артём – друг «по умолчанию», сосед по дому и парте. Полная противоположность Неасу: шумный, активный, живущий футболом, тусовками в ТЦ и бесконечными переписками в чатах. Неас ценил его за неиссякаемую энергию и абсолютную «нормальность». С Артёмом можно было не думать о высоких материях, а просто тупить, играть в онлайн-шутеры или болтать ни о чём. Артём звал Неаса «Философ» или «Древнегреческий» – и это была не насмешка, а скорее признание его особенности. Их дружба держалась на десяти годах совместного пути из дома в школу и обратно.

Лера (Валерия) – подруга, а может, и что-то большее, но пока неясное. Умная, язвительная, фанатка манги и аниме. С ней Неас мог говорить о смыслах – правда, не о философии деда, а о сюжетных поворотах в сериалах, психологии

персонажей и несправедливости мира. Лера – единственный человек в школе, кто считал имя «Неас» крутым и стильным. Их общение – это бесконечные гифки в Telegram, спойлеры и взаимная помощь с гуманитарными предметами. Она считала его поездки к деду «милым квирк-анимэ тропом про городского парня в деревне».

«Онлайн-братство»: Даня (aka DanTe)

Самый близкий по духу друг, который живет за тысячу километров.

Деня (DanTe) – друг по онлайн-игре (стратегии или ролевки с глубоким миром) и дискорд-серверу. Они никогда не виделись вживую, но знали о друг друге почти всё. Даня – такой же «странный», как и Неас: любит исторические реконструкции, разбирается в мифологии, может часами анализировать архитектуру вымышленных вселенных. Именно с Даней Неас мог обсудить, не стыдясь то, чему учил дед: как правильно развести костёр, или почему та или иная тактика в их игре напоминает реальные исторические битвы. Даня – его «зеркало в цифре», подтверждение, что его интересы не ущербны, а имеют ценность. Лето – время их самого активного онлайн-общения, пока Неас в деревне с ноутбуком.

«Соседский кодекс»: Макс «Старый»

Фигура на грани между другом и наставником.

Максим (Макс «Старый») – студент-историк, сосед по подъезду, лет на 7 старше. Он относился к Неасу не как к малолетке, а как к младшему брату-единомышленнику. Макс

собирал ретро-консоли, знал все блошинные рынки Москвы и мог за бутылкой колы рассказать такую историю про их район, что дух захватывало. Неас помогал ему таскать тяжелые коробки с книгами, а Макс взамен давал почитать «то, чего нет в сети» – самиздат, старые фэнзины, странные артефакты московской культуры 90-х. Макс расширял московский горизонт Неаса, показывая город слоями, как археологический памятник.

Неас в летом с ними почти не общается. Артём укатил с родителями в Турцию, а потом в спортивный лагерь. Его соцсети – это бесконечные сторис с моря и тренировок.

Лера уехала в языковую школу в Англию. Их общение стало редким из-за разницы во времени, свелось к скудным «Как дела?» и смешным картинкам.

Даня – единственный, кто онлайн, но даже с ним общение сместилось в асинхронный режим из-за плохого интернета на даче. Макс остался в городе, но пропал в своей летней сессии и подработке.

Друзья Неаса показывают, что он адаптивен и может находить общий язык с разными людьми, но по-настоящему глубоко ему интересны лишь те, кто разделяет его внутренний, вдумчивый мир (Даня, отчасти Лера и Макс). Его московская жизнь насыщена, но немного поверхностна и фрагментирована. Лето на даче с дедом – это антитеза этому: здесь

общение одно, но глубокое, цельное, на полном погружении. Именно эта временная изоляция от привычного круга и погружение в иную, «дедовскую» систему ценностей становится психологической подготовкой к полному разрыву со всем знакомым миром. В новом мире навыки, полученные от друзей (умение вести легкий светский разговор от Артёма, анализ сюжетов от Леры, стратегическое мышление от Дани и понимание «слоёв истории» от Макса), могут оказаться не менее полезными, чем умение колоть дрова.

Глава 4.

«Бунт машины» (Техническая проблема)

Проблема: На второй день приезда сломался старенький мотоблок «дедовской сборки» – главный помощник на огороде. Дед копался в нем полдня, ворча на «эту китайщину» (хотя мотоблоку было лет 30). Неас скучал рядом, чувствуя себя бесполезным. Дед уже собирался ехать за запчастями за 30 км.

Неас, которому стало неловко просто смотреть, попросил: «Дед, давай я хоть подавай что-нибудь или подсвечу фонариком». Пока дед копался в моторе, Неас, по привычке из мира гаджетов, снял на телефон весь процесс разборки крупным планом. Когда дед собрал узел и осталась «лишняя» деталь, а мотоблок не заводился, он в растерянности почесал затылок. Неас робко сказал: «Дед, а давай я покажу видео? Мо-

жет, мы там что-то упустили?» Они сели на бревно, прокрутили запись в замедленном темпе и нашли момент, где мелкая пружинка выскочила и закатилась в траву, а они этого не заметили. Нашли её, поставили на место. Мотоблок заурчал.

Дед впервые посмотрел на внука не как на ребёнка, а как на союзника с нестандартным инструментом. Он не сказал «спасибо», а просто хлопнул его по плечу и пробормотал: «Ну, видео-то оно, видать, и впрямь не только для рожек нужно». Неас же почувствовал себя необходимым. Его городской навык оказался полезным в дедовом царстве железа и масла.

«Ночной шторм» (Стихийная проблема).

Ночью налетел ураган. Неас проснулся от грохота и воя ветра. С крыши сарая, где хранились дрова, сорвало лист шифера. Дед в одном халате уже был во дворе, пытаясь привязать оторванный брезент, который хлестал, как парус. Дождь хлестал горизонтально.

Первым порывом Неас а было спрятаться в доме. Но он увидел, как дед, поскользнувшись, едва удержался на ногах. Неас выскочил в одних шортах и кроссовках. «Держи канат!» – крикнул дед сквозь ветер, не удивившись его появлению. Они действовали как одна команда: Неас, более легкий и быстрый, ловил и натягивал брезент, дед, используя свой вес, закреплял узлы и прижимал доски. Всё делалось, молча, на криках и интуиции. Через 20 минут всё было закреплено.

Они стояли мокрые до нитки, грязные, тяжело дыша.

Это был момент испытания на мужскую солидарность. Дед не послал его назад, а принял как бойца. Вернувшись в дом, дед, молча, достал тёплую фланелевую рубашу и сухие носки, бросил Неасу: «На, переодевайся, простудишься». А потом поставил на стол две стопки крепкой настойки на травах «для согрева», хотя Неасу дал лишь символический глоток. Это было ритуальное признание: «Ты выдержал. Ты свой в этой беде». Общее преодоление страха и хаоса создало прочную связь.

«Наследство крота» (Хозяйственная проблема).

Проблема: Кроты устроили катакомбы на огороде, особенно на грядке с морковью, которую дед холил и лелеял. Дед расставлял самодельные ловушки, но безуспешно. Он сидел на крыльце, сторбившись, в редком для него состоянии уныния: «Воевал с колорадским жуком, с сорняками, а этот подземный диверсант меня победил».

Неас, видя дедову печаль, полез в интернет (благо, в тот день ловил). Он нашел не только стандартные советы, но и форум каких-то увлеченных дачников, где обсуждали «акустические методы». Парень предложил деду нестандартный ход: «Дед, а давай воткнем в землю железные пруты и будем по ним стучать? Говорят, вибрация их выгоняет». Дед отнесся скептически, но, видя его энтузиазм, махнул рукой: «Работай, теоретик». Неас целый день, как сумасшедший, вбивал обрезки арматуры и методично, по графику, ходил и сту-

чал по ним молотком. Через два дня кротовьи ходы на грядке затихли.

Дед оценил не его силу, а его желание помочь и нестандартный подход. Он не признал свою неправоту вслух, но вечером за чаем сказал: «Значит, и моя тактика с ловушками, и твоя наука с вибрацией – это, выходит, война на два фронта. Крот не выдержал. Тактика верная». Он признал его идею как равную составляющую успеха. Для Неаса это была огромная победа – не столько над кротом, сколько над дедовым скепсисом. Он доказал, что его знания, даже почерпнутые из «этой твоей сети», тоже имеют ценность в реальном мире.

Каждая такая ситуация разрушала барьер «городской мальчик – суровый дед». Они перестали быть родственниками по обязанности и стали напарниками, которые доверяют друг другу в кризис. Дед увидел в Неасе не изнеженного подростка, а человека, способного на поступок, смекалку и ответственность. Неас же увидел в деде не просто старика с правилами, а мудрого командира, который не боится принять помощь и ценит результат выше гордости. Именно это доверие, добытое в совместных «боях» с бытом и стихией, позже могло стать для Неаса самой болезненной потерей... и самой ценной памятью, которую он унесет с собой в иной мир.

Раннее утро было хрустальным и прохладным. Неас, зашпанный, с рюкзаком за плечами, стоял на крыльце. Дед Вик-

тор, по своему обыкновению молчаливый, крепко сжал его плечо.

«Смотри под ноги. До автобуса иди не спеша, торопиться некуда. И... будь умницей».

Это «будь умницей» прозвучало не как обычная прощальная формальность, а с какой-то нехарактерной для деда глубиной. Неас кивнул.

«До следующей пятницы, дед».

Дорога от дачи к остановке шла сначала по просеке, а потом углублялась в старый смешанный лес, где высокие сосны стояли над ковром из папоротников. Обычно это был путь в двадцать минут. Воздух пахнул хвоей, сыростью и тишиной.

Первые признаки странного появились уже через пять минут. Туман. Не тот легкий, утренний, стелющийся по низинам, а густой, молочно-белый, ватный. Он спускался с деревьев невидимыми струями, быстро заполняя пространство между стволами. Сначала Неас лишь натянул капюшон, списав на каприз погоды. Но туман сгущался с неестественной скоростью. Ещё через пару минут видимость упала до вытянутой руки. Звуки мира – щебет птиц, скрип деревьев – растворились в этой белизне, наступила оглушительная, давящая тишина.

Неас остановился. Сердце застучало тревожно. Он знал эту тропинку до каждого корня, но сейчас она не ощущалась даже под ногами. Он сделал шаг, и его нога, вместо привычного упора в землю, провалилась чуть глубже, будто в густой

мох, которого тут никогда не было.

«Что за...?»

Он обернулся. Белая стена. Ни дачи, ни просеки. Только призрачные очертания древних, незнакомых деревьев, стволы которых казались темнее и толще, чем должны быть.

Он решил идти вперёд, руководствуясь внутренним чутьём и памятью мышц. Но с каждым шагом ощущение неправильности нарастало. Воздух стал тяжелее, запахло озоном, сыростью пещеры и... чем-то сладковато-пряным, совершенно не лесным. В ушах зазвенел тонкий, едва уловимый высокочастотный звук.

И тогда он увидел огоньки. Не сквозь туман, а в самом тумане. Маленькие, голубовато-сиреневые искорки, пляшущие в белой мгле. Они тянулись вперёд, будто указывая путь. Разум Неаса, воспитанный отцом-рационалистом, отчаянно пытался найти объяснение: «Светлячки? Статическое электричество? Галлюцинация от паники?»

Но он пошёл на огоньки. Выбора не было. Ноги вязли уже по-настоящему, будто в опавшей листве метровой толщины. Туман начал редеть не сверху вниз, а как будто его разрывали изнутри. Свет, пробивавшийся сквозь пелену, был не солнечно-золотым, а зеленовато-изумрудным.

Последний клочок тумана рассеялся, как театральный занавес.

Неас замер, не веря своим глазам.

Он стоял не на лесной тропинке. Он был на опушке, но

это была не его опушка.

Над ним простиралось небо цвета сиреневого аквамарина, по которому плыли перламутровые, быстротечные облака. И в этом небе... сияли две луны. Одна, большая и серебристо-белая, висела высоко. Другая, меньшая, с медовым отливом, клонилась к горизонту. Их свет и давал этот фантастический, зеленоватый отсвет.

Лес вокруг был чудовищно величественным. Деревья, похожие на секвойи, но с гладкой, фиолетово-чёрной корой, уходили ввысь. Их кроны, казалось, цеплялись за облака. А между стволами, в воздухе, медленно парили, как медузы, полупрозрачные сферические создания, излучающие мягкий розовый свет. Один из таких «светляков» проплыл прямо перед его лицом, и Неас почувствовал лёгкое, щекочущее покалывание на коже – не тепло и не холод, а чистую энергию.

Вдруг, справа, раздался не звук, а вибрация – низкий, гулкий резонанс, от которого задрожала земля под ногами. Из-за гигантского корня выползло, переливаясь перламутром, существо, похожее на слизня размером с собаку. Оно оставило за собой не слизистый, а светящийся синим след, который медленно угасал.

Неас судорожно вдохнул. Он ущипнул себя за руку – больно. Он повертел головой – картина не менялась. Он попытался вспомнить дорогу назад – и с ужасом осознал, что тропинки, по которой он пришёл, больше нет. За спиной была

сплошная стена гигантских папоротников с листьями, искрящимися росой, которая, казалось, переливалась всеми цветами радуги.

Паника, холодная и тошная, подступила к горлу. Он хотел крикнуть, позвать деда, но голос застрял. Вместо этого из его груди вырвался сдавленный стон.

И в этот миг отчаяния его взгляд упал на рюкзак. Тот самый рюкзак, в котором лежали бутерброды, заботливо завернутые дедом, и стальная кружка, и складной нож – подарок от Виктора Петровича на прошлое лето. «Будь умницей», – снова прозвучал в памяти дедов голос.

Неас закрыл глаза, сделал глубокий вдох, как учил дед в стрессовых ситуациях: «Дыши животом, считай до пяти. Паника – главный враг».

Часть 2.

Глава 1.

За следующие несколько дней (он определял смену циклов по тому, как меньшая, медового оттенка луна скрывалась за горизонтом, а большая серебристая достигала зенита) Неас составил для себя более чёткую картину.

Небесная механика и свет:

Источник света: Яркого, жёлтого солнца не существовало. Основным источником дневного света была диффузная люминесценция самого неба. Оно вело себя как гигантский светодиодный экран, плавно меняя оттенки от бледно-бирюзового на «утро» до насыщенного изумрудного в «полдень» и сиреневого с аквамариновыми прожилками на «вечер». Это создавало странные, непривычные тени – они были мягкими, размытыми, без чётких границ.

Две луны: Их движение было сложным. Большая, серебристая («Страж», как он её мысленно назвал) двигалась медленно. Малая, медово-янтарная («Скиталец») – быстрее и по более хаотичной траектории, иногда приближаясь, иногда удаляясь. Когда обе луны сходились близко в небе, магическая активность вокруг возрастала: светящиеся организмы

ярче сияли, артефакт в его руках вибрировал осязательнее, а в воздухе стояло едва слышное гудение.

Флора и её аномалии:

Это были не просто большие деревья. Их кора напоминала хитиновый панцирь, а сок, выступивший на срезе одной ветки, был вязким и фосфоресцирующим синим. Листья на разных ярусах имели разную структуру: внизу – широкие, кожистые и тёмные, поглощающие свет от земли; наверху – игольчатые или перистые, будто улавливающие энергию прямо из воздуха.

Грибы были не отдельными организмами, а частью мицелиальной сети, покрывавшей лесную подстилку. Сеть светилась слабым фиолетовым светом при прикосновении, и свет этот пробегал по ней на десятки метров, как импульс по нервам. Лианы не просто вились, а медленно, почти незаметно глазу, шевелились, ориентируясь на тепло или магическое излучение.

Фауна и её экосистема:

Существа делились на светящихся (чаще травоядных или детритофагов, как «медузы» или перламутровые слизи) и тёмных, камуфляжных (хищников, вроде крылатых ящеров). Были и промежуточные виды: он видел шестиногого зверька, шерсть которого мгновенно меняла цвет и узор, мимикрируя под фон, когда тот замирал.

Пищевые цепочки были видны невооружённым глазом:

летающие кристаллические насекомые привлекали светящихся «медуз», те, в свою очередь, становились добычей тёмных, бесшумных мантов (скатов), скользивших в верхнем ярусе леса. Всё было пронизано энергией, и она была главной валютой обмена в этой экосистеме.

Магическая «физика»:

Гравитация: Она была чуть слабее земной, но с аномалиями. В некоторых местах, особенно там, где скапливалась светящаяся грибница или стояли особые кристаллы, вес предметов уменьшался ещё сильнее. Камни падали медленнее.

Ручей был не единственным источником. Он нашёл небольшое озеро, вода в котором была слоистой: у берегов – тёплой и светящейся, в центре – ледяной и абсолютно чёрной, поглощающей свет. Между слоями плавали сложные геометрические фигуры из сгущённого света.

Звуки распространялись странно. Некоторые (вроде его собственных шагов) гасли быстро. Другие, особенно высокочастотные трели или гулкие вибрации, усиливались и отражались, создавая эхо, которое длилось минутами.

На пятый цикл (он уже вёл зарубки на палке) мысль о возврате стала навязчивой. Он не просто хотел домой – он начал выстраивать гипотезу.

«Туман был порталом. Портал, вероятно, не статичен. Он мог быть привязан к месту, ко времени (утренние часы), к условиям (определённая влажность, фаза лун?). Если это естественное явление этого мира, у него должна быть логи-

ка. Значит, его можно понять и повторить».

Он вернулся к тому месту, где пришёл в себя – к поляне с гигантскими папоротниками. Это была единственная известная точка входа.

Он решил воспроизвести условия: ранние «утренние» часы, когда небо светлело до бирюзового оттенка.

Его главной надеждой стал чёрный артефакт. Если магия этого мира привела его сюда, то, возможно, она же может показать выход. Артефакт реагировал на его концентрацию. Значит, нужно сконцентрироваться на доме.

На рассвете нужного дня Неас стоял на поляне. Воздух был прохладным и влажным. Он взял артефакт в обе руки, закрыл глаза и начал сосредотачиваться не на абстрактном «доме», а на максимально конкретных, чувственных воспоминаниях:

Скрежет щеколды на калитке дачи. Гул московской пробки за окном. Голос деда: «Чай остывает».

Специфический запах дедова сарая – масло, дерево, пыль. Запах маминых духов. Запах асфальта после летнего дождя.

Шершавость коры старой яблони на даче. Прохлада экрана смартфона. Тяжесть полной школьной сумки.

Чёткая картина дорожки от дачи к лесу. Вид из его окна на панельные дома. Лицо деда, шурящееся на солнце.

Он вкладывал в эти воспоминания всю силу тоски и желания. Артефакт в его руках начал вибрировать, сначала слабо, затем сильнее. Золотые узоры внутри закрутились в вихрь,

свет пробился сквозь его чёрную поверхность, озаряя лицо Невса тёплым свечением.

Вокруг него, медленно, начал формироваться туман. Но не тот, плотный и белый, что принёс его. Этот был тонким, серебристым, и струился не с неба, а как будто из самого воздуха, нарушая перспективу. Сердце Невса заколотилось в надежде.

Он открыл глаза и шагнул в сторону, откуда пришёл, продолжая держать в сознании образы дома.

И тут мир возразил.

Туман не расступился, а закружился, в нём замелькали искажённые образы: дача, но с кривыми стенами и светящейся крышей; дед, но его глаза были двумя маленькими лунами; лесная тропа, уходящая в бесконечную, невероятную высь.

В ушах поднялся шум – наложение голосов родителей, смеха друзей, рёва московского транспорта, но всё это было перекошено, замедлено и ускорено одновременно, превращаясь в кошмарную какофонию.

Воздух стал тяжёлым, как вода. Сделать шаг вперёд было невероятно трудно, будто он шёл против сильнейшего течения невидимой реки.

Артефакт в его руках начал перегреваться, боль от жгучей вибрации пронзила ладони.

Неас понял. Это не портал домой. Это эхо его воспоминаний, пропущенное через призму магии этого мира. Мир не отпускал его. Он лишь зеркалил его тоску, превращая её в

иллюзию, в ловушку для души.

Последним усилием воли, сквозь боль и нарастающую панику, он разжал руки. Артефакт с глухим стуком упал на мягкий мох, его свет мгновенно погас.

Туман рассеялся за секунды, словно его и не было. Неасстоял на той же поляне, один, с обожжёнными ладонями и с ледяной пустотой внутри, которая была страшнее любого страха.

Прямого пути назад нет. Магия этого мира – не бездушный инструмент, а живая, сложная сила, которая взаимодействует с сознанием. Она ответила на его отчаянный запрос, но не выполнением, а отражением. Возврат, если он возможен, – это не ритуал «включения портала». Это, возможно, путешествие, требующее понимания основных законов этого мира и нахождения особого, правильного «ключа». Слепая тоска и сила желания – недостаточны. Нужны знания, которых у него пока нет.

Он поднял остывший артефакт, больше не чувствуя в нём ничего, кроме холодной тяжести. Дорога домой превратилась из тропинки в бесконечный лабиринт. И чтобы найти из него выход, ему пришлось сначала изучить сам лабиринт. До глубины.

Глава 2.

День пятый: Пределы адаптации.

Система и рутина.

Осознав, что возврата нет, Неас перешел от паники к методичному выживанию. Его разум, воспитанный отцом-архитектором, искал системы. Он превратил небольшой грот под скалой в укрепленную базу.

Используя леску из рюкзака и гибкие ветви, он соорудил несколько примитивных сигнальных ловушек на подходах к гроту – не чтобы поймать кого-то, а чтобы услышать.

Дед учил: «Предупреждён – значит вооружён».

Вода: Нашел способ конденсации. Ночью, когда воздух становился холодным, он клал гладкий камень на разостланный кусок полиэтилена от упаковки бутербродов. К утру на нем собирались капли чистой, не светящейся воды. Медленно, но безопасно.

Еда: Оранжевые ягоды были основой рациона. Он нашел еще один вид – похожие на стручки, растущие у воды. После многодневного теста (сначала на коже, потом на губе, потом крошечный кусочек) они оказались съедобными и сытными, с ореховым привкусом.

Но главным объектом его изучения был артефакт. Черный камень с золотыми прожилками. Он начал вести подобие дневника, царапая обугленной палочкой наблюдения на плоском камне.

Открытие №1: Артефакт реагирует на концентрацию и эмоцию. Страх заставляет его свет мерцать хаотично. Спокойная сосредоточенность – узоры текут плавно. Яркая, чет-

кая мысль (воспоминание о тепле костра, желание увидеть искру) – дает всплеск энергии.

Открытие №2: Он не бесконечный. После попытки возврата и нескольких экспериментов, золотые прожилки внутри потускнели. Камень будто «истощился». Неас положил его на ночь на участок густой светящейся грибницы. К утру узоры снова пульсировал ровным светом. Артефакт подзаряжался от окружающей магии. Это был прорыв.

Не мир, а организм.

Однажды, исследуя ручей, Неас стал свидетелем явления, перевернувшего его понимание мира. На противоположном берегу погибло крупное существо, похожее на оленя с кристаллическими наростами на рогах. Оно просто легло и перестало дышать.

И тогда лес пришел в движение.

Светящаяся грибница с ближайших деревьев потянулась к телу тончайшими нитями, обволакивая его фиолетовой паутиной. Лианы шевельнулись, протягивая к нему усики. Даже камни вокруг, казалось, излучали чуть больше тепла. Процесс был не жутким, а странно торжественным. За несколько часов тело было полностью ассимилировано: плоть, кости, кристаллы – всё растворилось, впиталось сетью грибницы, а та вспыхнула на мгновение ослепительным светом, который затем растекался по всему лесу, словно по капиллярам.

Это был не просто круговорот веществ. Это был единый

метаболизм. Мир не просто содержал магию – он сам был магическим существом. И смерть одного становилось энергией для всего целого.

Неас смотрел, замороженный и подавленный. Он был здесь не просто чужеземцем. Он был инородным телом в этом сверхорганизме. Вирусом. Или, может быть, новой, неизвестной клеткой.

Первая встреча (не с разумной).

Опасность пришла с неожиданной стороны. Не от хищников, а от самой среды. На седьмой день Неас обнаружил, что его запас оранжевых ягод, собранных вдалеке от лагеря, покрылся странной серебристой плесенью и испускал едкий дым. Он выбросил их, но споры, видимо, попали в воздух.

К вечеру у него начался жар. Дыхание стало хриплым, в глазах плавали светящиеся пятна. Он понимал – это отравление, аллергия или магическая инфекция. Аптечки не было. Паника, которую он так долго сдерживал, накрыла с новой силой. Он лежал в гроте, трясаясь от озноба, и смотрел на потолок, где светящиеся мхи рисовали абстрактные узоры.

«Умри здесь, и лес растворит тебя за пару часов. От Неаса не останется ничего. Даже костей».

Мысль была не страшной, а обреченно-спокойной. Он был на грани.

И тогда его взгляд упал на артефакт, лежавший на груди. Камень был теплым. Узоры внутри пульсировали в такт его лихорадочному пульсу, будто подстраиваясь под его состоя-

ние.

Отчаяние родило идею. Безумную. Если артефакт реагирует на намерение и проводит энергию... может, он может направить её не вовне, а внутрь?

Дрожащими руками он прижал камень ко лбу. Он не пытался «исцелиться» – это было слишком абстрактно. Он вспомнил, как дед учил его сбивать температуру: прохладный компресс, обильное питье, покой. Он сконцентрировался на этом ощущении – желанной прохладе на лбу, чувстве чистоты, приливе сил.

Артефакт загудел. Тепло из него сменилось на странную, вибрирующую прохладу. Волна этой энергии прошла через лоб внутрь головы, не как жидкость, а как структурированный импульс. Светящиеся пятна перед глазами сконцентрировались в один яркий узел и рассыпались. Жар отступил на несколько градусов. Дышать стало чуть легче.

Это не было исцелением. Это был симптоматический контроль. Как если бы он нашел в панели управления своим телом рычаг и слегка его подкорректировал. Артефакт не знал, как лечить чужеродное отравление. Но он откликнулся на конкретный, ясный запрос Неаса о состоянии его тела.

Той ночью, между приступами лихорадки, он по крупинкам, через боль и слабость, «прокачивал» через себя эту прохладу. К утру жар спал. Он был истощен, но жив. И в его глазах, наряду с изнеможением, горел новый огонь – не только выживания, но и потенциала.

Решение.

Когда силы вернулись, он сидел у ручья и смотрел на свое отражение в светящейся воде. Перед ним был не московский школьник. Это был худой, загорелый до темноты, измученный юноша с серьезными глазами. В одной руке он держал артефакт. В другой – свой острый, надежный нож.

Он понял несколько вещей:

Одиночество убьет его. Не физически, а ментально. Ему нужна цель, сложнее, чем просто «не умереть».

Артефакт – его ключ. Но ключ к чему? К управлению магией? К пониманию мира? К лечению? Наверное, ко всему понемногу, но нужно учиться. Методично, как дед учил его столярному делу.

Этот мир живой и цельный. Чтобы выжить в нем, нужно не просто прятаться, а пытаться понять его логику. Стать не инородным телом, а... симбионтом.

И тогда он поставил себе новую цель. Не «вернуться домой» (это была далекая, почти мифическая сверхзадача). А создать карту.

Не географическую, а энергетическую. Отметить места, где артефакт ведет себя по-разному: где заряжается быстрее, где издает иной гул, где светится вода или растут особые растения. Создать свою первую схему этого магического организма. Свой первый проект в новом мире.

Он встал, потянулся, чувствуя, как болят каждые мышцы. Он посмотрел вглубь леса, туда, где переплетались неверо-

ятные стволы и висели, мерцая, неизвестные плоды.

Путь домой был закрыт. Путь вперед – был открыт. И его звали Исследование.

Он положил артефакт в карман, проверил заточку ножа и сделал первый шаг за пределы знакомой уже поляны. На встречу неизвестным правилам, опасностям и, возможно, открытиям, которые изменят его навсегда. Он был Неас. И его эпоха изучения только начиналась.

Глава 3.

Дни шестой – девятый: карта аномальности.

Метод и первая аномалия.

Неас подошел к исследованию с педантичностью, унаследованной от отца-архитектора. Его «дневник» на плоском камне теперь содержал странные пиктограммы и пометки, понятные только ему. Он начал с радиальной разведки от своей базы-грома, обозначая направления по условным часам, где «12» – было направление к поляне появления.

Артефакт стал его компасом и датчиком. Неас заметил: когда он держал камень на открытой ладони, золотые узоры внутри меняли характер движения в зависимости от окружающей магической среды. Рядом с ручьем – плавные волны. Около светящейся грибницы – частые, мелкие всплески. В тени гигантских «секвой» – медленное, цикличное пульсирование.

На второй день разведки, двигаясь в секторе «2 часа», он наткнулся на первую аномалию. Это был небольшой овраг, на дне которого не росло ничего, кроме серого, потрескавшегося мха. Воздух здесь был неподвижным и гулко тихим, будто выпавшим из мира. Когда Неас спустился и достал артефакт, узоры внутри не просто замерли. Они свернулись в плотный, неподвижный шар в самом центре камня, а сам камень стал холодным, как лед, и невероятно тяжелым.

Это было не отсутствие магии. Это была ее инверсия, дыра, подавление. Неас поспешно выбрался из оврага. На краю, артефакт снова ожил, узоры метались, как испуганные. Неас сделал в дневнике крупную, обведенную пиктограмму: «Тихая яма. Магия умирает. Опасность?» Он поставил туда камень-метку.

Вторая аномалия и первая добыча с помощью магии.

Аномалия в секторе «10 часов» была противоположной. Это была поляна, усеянная кристаллами кварца, которые в свете двух лун горели изнутри холодным фиолетовым пламенем. Воздух звенел высокочастотным, едва слышимым гудением. Артефакт на ладони Неаса взывал тонкой вибрацией, а золотые прожилки вспыхнули так ярко, что отбрасывали тени. Камень тянуло вниз, к кристаллам, будто магнитом.

Именно здесь Неас совершил прорыв в практическом применении магии. Он заметил, что на поляну прилетали питаться кристаллической пылью крупные, медлительные насекомые с радужными крыльями. Они были размером с

ладонь и казались безобидными. Мысль о белке была слишком заманчивой.

Он взял артефакт в одну руку, а в другую – плоский камень, как пращу. Вместо того чтобы просто бросать, он сконцентрировался. Он вспомнил, как играл с Даней в симуляторы, рассчитывая траекторию полета снаряда с учетом гравитации и сопротивления. Он мысленно прочертил дугу, по которой должен полететь его камень. И, удерживая этот четкий мысленный образ, он вложил его в артефакт, одновременно с желанием «ударить точно».

Артефакт дрогнул. В момент броска Неас почувствовал, как из камня в его руку, а затем будто в сам брошенный булыжник, перетекает тонкая струйка энергии. Камень полетел не по обычной параболе. Его полет был неестественно прямым и быстрым, словно его на долю секунда перестала тянуть вниз гравитация.

Раздался хруст. Насекомое было сбито на землю. Неас подбежал, остолбенев. Это не была сила. Это была коррекция. Микроскопическое, точечное изменение правил физики вдоль траектории полета снаряда. Его руки дрожали уже не от страха, а от осознания: он только что вмешался в законы мира. Не разрушительной вспышкой, а хирургически точным усилием. Плата была ощутимой: артефакт потускнел, а в его собственной голове стояла легкая, но неприятная пустота, будто он только что сдал сложный экзамен.

Добыча оказалась съедобной. Мясо насекомого было по-

хоже на крабовое, со слабым минеральным привкусом. Это был его первый полноценный обед с белком. Он отметил на карте: «Кристалльная поляна. Источник энергии (сильный). Возможна «точная» магия. Истощает артефакт и сознание».

Следы. Не его.

На девятый день, в секторе «6 часов» (за ручьем), он нашел не аномалию, а следы. И это перевернуло все.

Это были не следы зверя. Это была явная, искусственная метка на стволе дерева: три параллельные насечки, сделанные чем-то очень острым, а над ними – выжженный символ, напоминающий стилизованную молнию. Кора вокруг символа была обуглена, но сам знак светился тусклым оранжевым светом, как тлеющий уголек.

Неаса бросило в жар. Он не был один. Здесь была цивилизация. Разум. Возможно, враждебный. Возможно, непохожий на человеческий.

Он замер, вжавшись в папоротники, и два часа просто наблюдал. Никто не пришел. Светящийся знак медленно угасал, будто питался какой-то остаточной энергией. Осторожно, ножом наготове, он подошел ближе. Артефакт в кармане отозвался на знак не вибрацией, а резким, болезненным уколом холода, заставившим Неаса вздрогнуть. Знак явно был заряжен магией, но иного, отталкивающего свойства.

Это меняло всё. Его задача «стать симбионтом» усложнялась до задачи «не стать целью». Кто оставил знак? Охотники? Разведчики? Пограничье? Знак выглядел свежим.

Решение, рожденное из двух миров.

Неас вернулся в грот с тяжелыми мыслями. Перед ним лежала грубая карта, нацарапанная на камне. «Тихая яма» (подавление магии). «Кристалльная поляна» (избыток, возможность точного воздействия). И теперь – «Знак» (чужая, возможно, враждебная разумная деятельность).

И тут его осенило. Мысль родилась на стыке дедовой практичности и его собственного, игрового опыта с Даней.

Что если использовать аномалии как инструменты? Не просто отмечать их, а включать в стратегию?

Представление развернулось в его голове, как тактическая схема:

«Тихая яма» – это потенциальное укрытие от магических существ или следопытов, полагающихся на магию. Там его артефакт бесполезен, но и чужие, возможно, тоже.

«Кристалльная поляна» – источник энергии для артефакта и место, где можно применять «точную» магию для охоты или защиты.

«Знак» – это не только угроза, но и информация. Если есть знаки, значит, есть маршруты, территории, сообщения. Научившись «читать» их (или хотя бы избегать), он сможет ориентироваться в социальной, а не только природной, структуре мира.

Его новая цель кристаллизовалась. Он больше не просто выживал и исследовал. Он анализировал угрозы и ресурсы, чтобы перейти от пассивного выживания к активной страте-

гии. Он должен был изучить «Тихую яму» глубже, понять ее свойства. Он должен был научиться эффективнее «перезаряжать» и использовать артефакт на поляне, не доводя себя до истощения. И он должен был осторожно наблюдать за зоной со знаком, пытаясь понять логику тех, кто его оставил.

Взгляд Неаса упал на его потертый рюкзак, нож и теплый артефакт. Он был заложником этого мира. Но теперь у него появилась не просто карта местности. У него появился план. Хрупкий, опасный, но план. Он снова был не просто Неас ом, потерявшимся мальчишкой. Он становился стратегом в чужой, магической игре, правила которой ему еще только предстояло расшифровать. И следующим ходом было детальное изучение «Тихой ямы». Возможно, в ней крылся ключ к сокрытию от тех, кто оставил светящиеся следы.

Глава 4.

День десятый: Эксперимент в тишине.

Изучение «Тихой ямы» требовало иного подхода, чем разведка. Это была не точка интереса, а потенциальный инструмент. Неас потратил целый цикл на подготовку, руководствуясь принципом, усвоенным от отца: «Проверяй гипотезу контролируемым экспериментом».

Зона подавления магии нейтрализует магические эффекты, артефакты и, возможно, ощущения магических существ. Может служить укрытием.

Цель эксперимента: Определить границы зоны, ее воздействие на артефакт и на самого Неаса, выявить побочные эффекты.

Он собрал «лабораторный набор»: Артефакт – главный индикатор. Два камня: один обычный, другой – мелкий светящийся камешек с ручья. Пучок сухой травы и кусок трута. Длинную, прочную лиану как мерную ленту и страховку. Острупалку для отметок на камнях.

Полевые работы.

На рассвете он вернулся к оврагу. Воздух вокруг по-прежнему был мертвенно-тих. Неас начал с периметра. Он медленно двигался к краю оврага, держа артефакт на открытой ладони. За три шага до видимого перепада рельефа золотые узоры в камне начали замедляться. За шаг – свернулись в плотный комок. Камень стал холодным.

Граница была резкой, как стена. Неас пометил ее положенными камнями. Радиус зоны подавления вокруг оврага составлял примерно пять-семь метров.

Затем пришлось решиться на самый пугающий шаг – войти внутрь. Он привязал один конец лианы к дереву на границе зоны, другой – к своему поясу. «Страховка от неизвестности», – мысленно усмехнулся он, вспоминая туристические походы с отцом.

Сделал шаг внутрь.

Тишина обрушилась на него физически. Исчез не только магический гул леса – притупились все звуки: шелест его

одежды, собственное дыхание. Мир будто накрыли стеклянным колпаком. Но что было хуже – исчезли ощущения. Пропало то самое легкое, фоновое покалывание на коже, к которому он уже привык. Он чувствовал себя... плоским. Обес-
точенным. Это было похоже на внезапную потерю обоняния или слуха. Небольшая, но душевная ампутация.

Артефакт в его руке был теперь просто холодным, черным, тяжелым булыжником. Ни свечения, ни вибрации.

Эксперименты в вакууме.

В центре оврага, на сером мхе, Неас поставил свои опыты.

Светящийся камень: попав в зону, его внутреннее свечение угасло за секунды, как уголька. Вынесенный обратно – не восстановился. Камень был «умерщвлен».

Попытка добыть огонь: Трение палочки о трут, от которого он в обычных условиях уже добивался тления, здесь не давало никакого результата. Даже искры не было. Было ощущение, будто сам принцип трения, превращения энергии, был подавлен. Это открытие испугало его больше всего: здесь могли не работать не только магические, но и фундаментальные физические законы?

Воздействие на себя: Он попытался сконцентрироваться, вызвать то самое чувство прохлады, которое помогло при лихорадке. Ничего. Его разум упирался в глухую, непроницаемую стену внутри собственного сознания. Магический «интерфейс» был отключен.

Зато его обычные, человеческие рефлексы работали. Но-

жом он мог порезать мох. Чувство голода и жажды никуда не делось.

Неожиданное открытие и первая кровь.

Он уже собирался уходить, когда заметил движение у самого края зоны, с внешней стороны. Туда, привлеченная, видимо, его раним присутствием, подобралась тварь.

Она была размером с волка, но строением напоминала бесшерстную гиену с пластинчатой, каменного цвета кожей. Ее глаза, два тусклых желтых пятна, были пристально устремлены на него. Но самое странное – она не пересекала границу. Она вытянула шею, понюхала воздух у самой невидимой черты, и ее морду скривила гримаса, похожая на отвращение. Она не видела в нем добычу. Она, кажется, не воспринимала его вообще, как будто он стал частью безжизненного пейзажа оврага.

Неас замер, в руке его был лишь бесполезный здесь артефакт и нож. Он стоял в пяти метрах от хищника, разделенный лишь невидимым барьером.

И тут зверь повернул голову, учуяв что-то сбоку. Из кустов на границу зоны выскочило небольшое пушистое существо, похожее на помесь енота и суслика, с переливающимся мехом. Оно, спасаясь от другой угрозы, метнулось прямо через границу – и оказалось в зоне.

Все изменилось мгновенно. Переливчатый мех зверька потух, стал тускло-серым. Его проворные движения стали резко замедленными, будто оно плыло в густом сиропе. Оно

выглядело ошеломленным и беспомощным.

Хищник снаружи наблюдал, но не сделал ни шага внутрь. Вместо этого он издал короткий, гортанный звук, и из-за деревьев появилась вторая такая же тварь.

Неас понял. Они не зайдут. Они будут ждать, пока добыча сама выйдет или пока не обессилит внутри. Они знали свойства этого места.

И тогда Неас принял решение. Он не мог позволить этим тварям привыкнуть к тому, что из ямы можно легко получать пищу. Это сделало бы его будущие укрытия здесь рискованными. Он сжал в руке нож. Не артефакт, не магию – простой стальной клинок, подарок деда.

Он резко шагнул вперед, к дезориентированному зверьку. Его движения тоже были слегка замедлены, но не так критично. Хищники снаружи зарычали, но остались на месте. Неас наклонился, схватил маленькое существо (оно слабо запищало) и, развернувшись, резко швырнул его глубже в овраг, подальше от границы. Затем он сам начал отступать к противоположному склону, не поворачиваясь спиной к хищникам.

Существо, придя в себя, метнулось прочь, вверх по другому склону, и скрылось. Добычи не было.

Твари снаружи издали звук, похожий на шипение. Одна из них сделала шаг навстречу, лапа на миг пересекла границу. И в этот миг Неас увидел, как пластинчатая кожа на ее лапе потускнела, потеряла каменный блеск. Зверь с рычани-

ем одернул лапу, как от ожога, и отступил.

Выводы и новая тактика.

Вернувшись в грот, Неас обновлял свою карту-дневник. Руки его еще дрожали от адреналина.

«Тихая яма» – подтверждена. Полное подавление магии, возможное подавление некоторых физических процессов (трение). Граница резкая. Действует на артефакты и магические организмы угнетающе. Обычные предметы (нож) и биология работают.

Важнейшее наблюдение: Местные хищники знают о свойствах зоны и боятся/не любят ее. Она – природное укрытие.

Тактическое применение: 1) Укрытие от магических существ и, возможно, от следопытов, использующих магию для поиска. 2) Место, где можно спрятать или «убить» магические артефакты. 3) Потенциальное место для встречи с чем-то, что тоже боится этой зоны.

Он посмотрел на артефакт, лежавший на зарядке, на грибнице. Камень медленно набирал свечение. Теперь у Неас был не просто датчик аномалий. У него была тактическая опция. Тихое, мертвое место в сердце бурлящего магией леса.

Следующим этапом, как он решил, будет наблюдение за «Знаком». Но теперь – с новой уверенностью. Если там появятся те, кто его оставил, и если они будут магически опасны, у него есть путь к отступлению. Путь в тишину, где правила игры меняются, и где его простой стальной нож может стать равным, а то и более весомым аргументом, чем чужая,

подавленная магия.

Он точил нож у входа в грот, слушая гудящую песню леса. В его движениях не было страха. Была концентрация шахматиста, рассчитывающего ходы. Он начинал не просто жить в этом мире. Он начинал использовать его, превращая его аномалии в клетки своей собственной, зарождающейся доски.

Часть 3.

Глава 1.

День одиннадцатый: Резонанс.

После открытий в «Тихой яме» мозг Неаса, привыкший искать связи и системы, не отдыхал. Он сидел у ручья, перебирая в руках уже заряженный артефакт, и смотрел, как светящиеся частицы в воде собираются в причудливые узоры вокруг теплых струй. Его взгляд перебегал с артефакта на воду, затем мысленно – к кристаллам на поляне и к мертвой зоне оврага.

И его осенило. Что если эти аномалии – не просто разные явления? Что если они взаимосвязаны? Как плюс и минус, как давление и разрежение в единой атмосфере магии? «Тихая яма» – место, где магия исчезает. «Кристалльная поляна» – место, где она конденсируется и бьет ключом. А ручей... ручей мог быть проводником, потоком, который что-то переносит.

Безумная гипотеза: А что если попробовать создать «мост»? Не просто использовать артефакт, а попробовать через него соединить две точки с разным магическим потенциалом? Что произойдет?

Он вспомнил школьные уроки физики: разность потенциалов рождает ток. А здесь потенциал был магическим.

Подготовка и риск.

Это был самый рискованный план за все время. Он тщательно продумал каждый шаг.

Место: Узкая часть ручья, ближе к «Тихой яме», но еще в зоне активной магии. До поляны – далеко, но он надеялся на артефакт как на усилитель.

Инструменты: Артефакт. Длинная прочная лиана. Два камня: один из зоны «Тихой ямы» (холодный, инертный), другой – маленький светящийся камешек с поляны (еще один, не основной артефакт).

План: Привязать инертный камень к одному концу лианы, светящийся – к другому. Опустить инертный камень прямо на границу «Тихой ямы», в воду ручья, если получится. Другой конец со светящимся камнем оставить здесь, в зоне активности. Самому встать посередине, держа в руках основной артефакт, и попытаться... сфокусироваться не на чем-то одном, а на самой связи, на идее потока, перетекания энергии из точки избытка (светящийся камень) в точку недостатка (инертный камень) через ручей и через него.

Это была не магия как «заклинание». Это была магия как инженерия. Попытка замкнуть цепь.

Эксперимент.

Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди. Все внутри кричало, что это опасно и глупо. Но азарт ис-

следователя, тот самый, что горел в нем с первого дня, был сильнее.

Он разложил «установку». Один конец лианы с тусклым, мертвым камнем ушел в сторону оврага. Другой, со слабо светящимся камешком, лежал у его ног. Ручей журчал между ними.

Неас взял в обе руки основной артефакт. Он был теплым и пульсирующим. Он закрыл глаза. Он не думал об огне или прохладе. Он думал о перепаде. О разности. Он представлял себе магию не как свет, а как невидимую, вязкую жидкость, давление которой выше у светящегося камня и стремится к нулю у инертного. Он представлял, как ручей – этот природный проводник – становится руслом для этого перетекания. А его артефакт в руках – клапаном, усилителем, узлом управления.

Сначала ничего не происходило. Потом артефакт начал вибрировать, но не привычным образом. Вибрация была разнотонной, прерывистой, будто камень сканировал эфир, ища резонанс.

И он нашел его.

От светящегося камешка у ног Неаса вдруг потянулась вверх тончайшая нить золотистого света. Она не была материальной – скорее, искажением воздуха, мерцающим миражом. Нить потянулась к артефакту в его руках, коснулась его поверхности, и камень взревел глухим, низким гудом, которого Неас никогда не слышал. Из него, с противополож-

ной стороны, вырвалась другая нить – темная, искривляющая свет, похожая на сгусток абсолютной пустоты. Она помчалась вдоль лианы по направлению к инертному камню у «Тихой ямы».

Воздух вокруг Неаса затрепетал. Свет дня будто померк, а потом вспыхнул с неестественной силой. Звуки леса – гул, трели, шелест – слились в один оглушительный белый шум. Неасу казалось, что его самого растягивают в разные стороны: одна половина тела горела жаром чистого света, другая – коченела от ледящего до костей холода пустоты.

Он видел, как вода в ручье на участке между двумя камнями вскипела. Но не от тепла. Она разделилась на слои: верхний светился ослепительно-белым, нижний был чернее ночи. И между ними танцевали молнии тихого, фиолетового разряда.

Побочный эффект – Отзвук.

Неас не мог пошевелиться. Его сознание было приковано к этому безумному процессу, который он запустил. И поэтому он почти не обратил внимания на то, что происходило вокруг.

Магический «ток», пробежавший по местности, был как удар по камертону. Он вызвал отзвук.

Из леса, со стороны, противоположной «Тихой яме», вышли они.

Существа. Их было трое. Они не походили ни на хищников, ни на травоядных. Они были высокими, тонкими, почти

бесплотными. Их тела казались сотканными из тени, пепла и мерцающего тумана. У них не было четких лиц, только размытые пятна, где должны быть глаза, и щели, похожие на рты. Они двигались бесшумно, скользя, а не шагая.

Они остановились в двадцати метрах от Неаса, замершего с артефактом в руках. Они не смотрели на него. Они смотрели на явление – на кипящий ручей, на светящиеся и темные нити, на сам разрыв в магической ткани мира.

Один из них поднял руку – длинную, костлявую конечность, больше похожую на сук. И... прикоснулся к воздуху. Но не к пустому. К той самой невидимой разности потенциалов, что висела в воздухе.

Раздался звук, похожий на лопнувшую струну огромного инструмента.

Разрыв цепи и бегство.

Связь порвалась. Золотистая и темная нити схлопнулись. Артефакт в руках Неаса погас и стал ледяным, вырвав у него стон боли. Вода в ручье с шумом обрушилась вниз, смешавшись в обычную, светящуюся жидкость.

И взоры всех трех существ медленно, неотвратимо перевелись на Неаса.

В их «взглядах» не было ни злобы, ни любопытства в человеческом понимании. Был анализ. Холодный, бездушный, как изучение насекомого под микроскопом. Один из них сделал шаг в его сторону.

Инстинкт выживания, заглушенный азартом, взорвался в

Неасе адреналином. Он рванулся с места, забыв про лианы и камни. Он бежал, не глядя, не думая, только в сторону одного известного места – «Тихой ямы».

Он влетел в зону подавления, споткнулся и покатился вниз по серому склону оврага. Тишина обняла его, как саван. Он перевернулся на спину, задыхаясь, и смотрел вверх, на край оврага.

Там, на границе, появились три силуэта. Они стояли, не двигаясь, глядя вниз. Но ни один не сделал шага внутрь. Они простояли так, может быть, минуту. Потом просто растворились, растаяли в воздухе, как мираж.

Последствия и новое знание.

Неас лежал в овраге еще долго, пока сердце не перестало выпрыгивать из груди. Его руки обжигало холодом артефакта, а в ушах, несмотря на тишину, стоял тот самый звук лопнувшей струны.

Когда он выбрался, было уже «вечернее» сиреневое небо. Его импровизированная установка была разорвана. Светящийся камешек потух навсегда, став обычным серым булыжником. Лиана была пережжена в нескольких местах, края срезов оплавлены.

Он, молча, собрал свои вещи и поплелся в грот.

Итог эксперимента:

Гипотеза подтвердилась. Аномалии связаны. Магию можно «замыкать» как цепь, создавая мощные и непредсказуемые эффекты.

Цена. Эффекты выходят далеко за пределы ожиданий и привлекают внимание. Не хищников. Существ другого порядка. Наблюдателей? Хранителей? Неас не знал. Но они видели его. И они видели, что он натворил.

Артефакт был истощен почти до смерти. Потребуется много времени на грибнице, чтобы вернуть ему силу.

Самое главное: Он не просто играл с магией. Он влез в систему этого мира. И система ответила. Теперь он знал, что в этом мире есть не только звери и растения. Есть что-то еще. Что-то, что следит за равновесием. И оно теперь знает о его существовании.

Неас сидел в темноте грота, глядя на едва теплящийся артефакт. Страх вернулся, но иного рода. Не страх неизвестности, а страх последствий. Он перешел некую грань. Из незаметного выживальщика он превратился в фактор, вызвавший реакцию системы.

Теперь вопрос стоял не «как выжить?». Теперь вопрос был: «Что они теперь будут делать? И как мне стать для них не ошибкой, подлежащей исправлению, а... закономерностью?»

Интересный случай обернулся открытием двери, за которой стояли силы, о которых он и не подозревал. И дверь теперь была приоткрыта.

Глава 2.

Дни двенадцатый-четырнадцатый: Обратная связь.
Скрыться.

Первые часы после встречи с существами Неас провел в парализующем страхе. Каждый шорох за пределами грота казался скольльзящим шагом призрачных наблюдателей. Он не спал, прижавшись спиной к теплой стене, с ножом в одной руке и холодным, почти неживым артефактом в другой.

К утру страх начал кристаллизироваться в план. Инстинкт, отточенный дедом, требовал действия. Если тебя увидели – меняй позицию. Если не можешь победить – сделайся невидимым.

«Тихая яма» была надежным укрытием от магии, но теперь он боялся, что существа могут отслеживать его физически – по следам, запаху. Нужно было запутать следы.

Он провел день в изнурительной работе:

Уничтожил лагерь в гроте, тщательно засыпав пеплом и землей место костра, разбросав сухие ветки.

Создал два ложных следа, ведущих от грота в разные стороны: один – к «Кристалльной поляне» (место сильной магии, где его «сигнал» мог быть искажен), другой – к густым зарослям ядовитых, по его наблюдениям, фиолетовых папоротников.

Перенес все свои скудные пожитки в новое укрытие – неглубокую расщелину в скале выше по течению ручья, вход в которую скрывался за водопадом толщиной с руку. Постоянный шум воды заглушал звуки, а брызги создавали влажную завесу, маскирующую тепловой и, как он надеялся, магический след.

Артефакт. Новые правила.

Перезарядка артефакта на грибнице шла мучительно медленно. Камень, будто травмированный экспериментом, принимал энергию вяло, и его золотые прожилки светились тускло и неохотно. Но было кое-что новое.

Когда Неас впервые после случившегося взял его в руку, пытаясь просто почувствовать связь, его ждал шок. Вместо привычного тепла и покалывания, в сознание ворвался шквал обрывочных образов и ощущений, чужих и искаженных:

Вкус пепла и статики.

Ощущение ледяного скольжения сквозь плотную материю.

Мгновенный, панорамный вид на лес с высоты в десятки метров, но без цвета, только в оттенках серого и синего энергетических полей.

Чувство голода – но не физического, а того же рода, что двигало грибницей, поглощавшей мертвого оленя. Голод по порядку, по равновесию.

Неас выронил камень, сжавшись от головной боли. Это были не его воспоминания. Это было эхо. Отпечаток тех самых существ-наблюдателей, оставшийся в артефакте после их вмешательства в эксперимент. Камень не просто проводил энергию. Он теперь хранил в себе след контакта с чем-то иным.

С большей осторожностью он продолжил тесты. Обнару-

жилось, что артефакт теперь реагирует не только на места силы, но и на следы той самой искаженной магии, что оставили после себя существа. На краю поляны, где они стояли, камень издавал тихое, тревожное жужжание, а узоры внутри выстраивались в острые, угловатые формы.

Артефакт стал не просто инструментом. Он стал детектором угрозы.

Немой диалог.

На третий день скрывания, когда Неас осторожно пробиравался к ручью за водой, артефакт в его кармане внезапно замер, а затем выдал короткую, резкую вибрацию – предупреждение.

Неас застыл за стволом дерева. В тридцати метрах, на том самом месте у ручья, где он проводил эксперимент, стояло одно из Них.

Оно было одно. Не двигалось. Его размытый силуэт казался менее плотным, чем в прошлый раз, почти прозрачным на фоне изумрудного света. Оно не смотрело по сторонам. Оно смотрело на воду, будто изучая дно.

Неас не дышал. Он понимал, что бежать бесполезно. Оно найдет. Оно уже здесь. Остается только наблюдать и надеяться, что водопад и расщелина скрыли его достаточно хорошо.

И тогда существо подняло свою «руку». Но не для жеста. Оно провело длинными пальцами по поверхности воды. Там, где пальцы касались, вода не расступалась. Она заминалась. На поверхности оставались сложные, геометриче-

ские узоры из легкого, серебристого инея. Узоры держались несколько секунд, затем таяли.

Это не было поиском. Это было сообщение. Но кому?

Существо повернуло свою безликую голову. Не в сторону Неаса. А в сторону «Тихой ямы». Оно простояло так минуту, затем его форма дрогнула, и оно растворилось в воздухе, как дым на ветру.

Неас ждал еще полчаса, прежде чем осмелился подойти. На камне у ручья, там, где стояло существо, лежал небольшой предмет. Не артефакт. Не оружие. Это был гладкий, темно-серый камень, отполированный до зеркального блеска. На его поверхности был выгравирован тот же символ, что он видел на дереве – стилизованная молния. Но здесь он не светился. Он был просто линией, врезанной в камень.

Неас поднял его. Камень был холодным и инертным. Артефакт в его кармане молчал. Это был нейтральный объект. Метка. Или... приглашение?

Ключ и карта.

Вернувшись в новое укрытие, Неас положил зеркальный камень рядом с потускневшим артефактом. Контраст был разительным. Один – живой, сложный, поврежденный и хранящий эхо ужаса. Другой – мертвый, простой, но несущий четкий, однозначный знак.

И тут его осенило. Что если эти знаки – не маркировка территории, а... указатели? Не «сюда не ходи», а «это место обладает таким-то свойством»? Молния – энергия, сильная

магия. «Тихая яма» – возможно, имела свой знак, который он не видел. А этот зеркальный камень, оставленный ему... это был знак для него.

Они не стали его уничтожать. Они оставили ему сообщение. Примитивное, на уровне «видишь этот знак – помни о нас». Или «это наша метка».

Он вспомнил дедовы рассказы о войне, о разведчиках, о немых сигналах, о том, как можно читать намерения противника (или соседа) по его действиям. Эти существа действовали по логике, отличной от звериной. Они устраняли дисбаланс (разорвали его цепь). Они наблюдали. И они маркировали.

Значит, с ними возможен диалог. Не словами. Языком действий, энергии и знаков.

Новое решение.

Страх перед неизвестным начал медленно трансформироваться в осторожное любопытство. Эти существа были частью системы, которую он пытался понять. Они были ее администраторами. И теперь они знали о его существовании.

Неас посмотрел на свои два камня – черный артефакт и серое зеркало с молнией. У него было два ключа. Один – к магии этого мира, поврежденный, но живой. Другой – к его тайной, безмолвной сигнальной системе.

Он больше не мог просто выживать и строить карту аномалий. Теперь у него была миссия.

Он должен был:

Восстановить и изучить артефакт, понять, как работает запечатленный в нем «отзвук» существ.

Найти другие знаки. Систематизировать их. Создать уже не карту аномалий, а карту значений.

Понять, что они хотят от него. Или что они ему позволяют. Или от чего предостерегают.

Он вышел из-под водопада. Лес гудел своей вечной, магической песней. Но теперь Неас слушал ее иначе. В этом гуле могла быть не только жизнь и смерть. В нем мог быть порядок. Правила. И, возможно, место для того, кто сумеет эти правила прочесть.

Он был больше не чужеродным телом. Он был переменной в уравнении. И переменная эта собиралась выяснить, по каким законам решается это уравнение. Начиная с поиска нового знака – возможно, там, где царила безмолвная, мертвая тишина.

Глава 3.

Дни пятнадцатый-семнадцатый: Язык молний

Ключ в замке.

Зеркальный камень со знаком молнии лежал рядом с артефактом, как вопросительный знак. Неас потратил целый цикл, изучая его. Камень был идеально гладким, холодным и не реагировал ни на что: ни на солнечный свет двух лун, ни на близость грибницы, ни на его концентрацию. Он был инертным, как галька с земного пляжа. Но его происхождение и намеренная передача делали его самым ценным арте-

фактом в его коллекции.

Неас вспомнил дедову мастерскую и коробку со старыми ключами. «Каждому замку – свой ключ, – говорил дед. – Но сначала надо понять, где замок».

Значит, нужно искать замок.

Он начал с места, где нашел первый знак на дереве. Свет от выжженной молнии давно угас, остался лишь обугленный рельеф. Неас приложил к нему зеркальный камень. Ничего. Он попробовал коснуться знаком на камне обугленной коры. Тишина.

«Может, замок не здесь, а этот камень – просто... образец? Алфавит?»

Он решил проверить гипотезу на «Кристалльной поляне». Если знак молнии означает «место силы», «скопление энергии», то там он должен быть уместен. С предельной осторожностью, постоянно сканируя окрестности с помощью артефакта (который все еще жужжал тревожно, но уже не так болезненно), он подошел к поляне. Кристаллы, как и прежде, горели холодным фиолетовым пламенем.

И здесь, на самом большом центральном кристалле, почти у его основания, Неас нашел его. Тот же знак молнии. Но не выжженный, а выросший – тонкая прожилка в структуре кристалла, светившаяся тем же серебристым светом, что и иней на воде от прикосновения существа. Это был не вандализм. Это было частью ландшафта, как клеймо мастера на изделии.

Сердце Неаса учащенно забилося. Он приложил свой зеркальный камень к этому природному знаку. И снова – ничего. Разочарование начало подкрадываться. Но потом он взглянул на артефакт в своей другой руке. Тот вибрировал, и его золотые узоры выстраивались, повторяя контуры знака молнии. Артефакт видел связь. Зеркальный камень был не ключом, а... свидетельством. Пропуском? Опознавательным знаком?

Ответный знак.

Мысль была одновременно пугающей и неотразимой. Если существа общаются знаками, оставленными в самой структуре мира, и они дали ему один такой знак... что, если попробовать ответить?

Не магическим взрывом, не нарушением равновесия. А чем-то малым, точечным. Внести свою лепту в этот немой диалог.

Он выбрал место недалеко от своего нового укрытия, у ручья, на плоском темном валуне. Он не мог выжечь знак магией – не хватало ни сил, ни понимания. Но он мог выцарапать. Острым обломком кварца, усердно, в течение нескольких часов, он процарапал на камне тот же символ молнии. Получилось коряво, угловато, лишено всякой магической эстетики. Это был человеческий, примитивный знак. Сделанный руками.

Когда работа была закончена, он, по непонятному самому себе импульсу, положил рядом с выцарапанным знаком

свой зеркальный камень. Не на него, а рядом. Как бы говоря: «Вот. Я получил ваш знак. Вот мой ответ. Я пытаюсь говорить на вашем языке».

Он ушел, оставив камень лежать на валуне.

Ночь визитов.

Он не стал дежурить у валуна. Это было бы слишком очевидно и пахло бы засадой. Он вернулся в расщелину за водопадом и попытался уснуть, но сон не приходил. Артефакт, лежавший у его изголовья, вел себя странно: то затихал, то издавал короткие, ритмичные вибрации, как будто принимал какую-то фоновую передачу.

Под утро его разбудило не звуки, а ощущение. То самое чувство пустоты и подавленности, которое он испытывал в «Тихой яме», но слабое, разлитое в воздухе. Он выглянул из-за водяной завесы.

На том берегу ручья, напротив его старого грота, стояли двое. Те же силуэты из пепла и тени. Они не двигались. Они смотрели на скрытый водопадом вход в его новое убежище. Они знали, где он. Но не приближались.

Затем один из них медленно поднял руку и указал вниз по течению. Туда, где лежал валун с его знаком.

Неас не шелохнулся. Существа постояли еще несколько минут, а затем их фигуры потеряли четкость и распались, как дым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.